

Независимая газета
2001. - 31 марта. - с. 7.

ЖАЖДА ЭПОСА

Леонид Десятников и Борис Пергаменщikov — разные герои одного концерта

Михаил Жирмунский

ЖАЖДА эпоса — черта времени. Поколение постмодернистов (понимая эту характеристику в ее прежде всего нашем социо-культурном контексте) взрослеет, мужает и не желает останавливаться на мелких, часто мало удачных перепадах чужих «визитных карточек». В литературе ерническую богему уже давно потянуло на полномасштабный, солидно изданный и оплаченный роман. В музыке же постмодернистских симфоний, вроде бы, еще не наблюдалось. Создатель таковой, **Леонид Десятников**, в своем продвижении обнаружил разумную постепенность, завоевав себе в меньших жанрах репутацию композитора серьезного — то есть цитирующего без насмешки, добивающегося, что называется, выражения собственного содержания. Совсем недавно Гидон Кремер

исполнил его «Русские времена года», вещь для камерного состава, но с содержательным размахом, хотя и отчасти импрессионистского характера: все-таки природная стихия. В симфонии же, впервые исполненной в 1999 г. в Веймаре и только теперь — в России, восприятие программирует не только заглавие «Зима священная 1949 года», но и непрерывно исполняемый текст из советского учебника английского языка 1949 года издания о Москве, спорте, Пушкине, Чайковском и т.п.

Заключенная в предыдущем предложении информация уже перегружает смыслами — прямыми, ассоциативными и возникающими в пересекающихся контекстах: Стравинский, сталинский Советский Союз с его бодро-официозной музыкальной спецификой, в реальности же — холод и кое-где еще голод, зима как климатический символ России, английский язык нашего кондового учебника, понят-

ный Западу (выгодная продажа симфонии) — и Западу смешной (издевается у нас за спиной), а нам непонятный, значит, скрывающий от нашей публики (не намеренно ли?) частицу авторского замысла. На этом можно было бы и остановиться в описании сочинения Десятникова: ведь слушая его, занят примерно таким же перебрасыванием знакомых интонаций из левого мозгового полушария в правое для их сознательной идентификации. Слышится в этой музыке и Стравинский, и Шостакович, и в финале Малер, и советская песня, и блюз, и много чего нарочито знакомого (все перечислено в аннотации автором). Грemit оркестр и хор Магнитогорской капеллы имени Эйденова (хорошо подготовивший английские слова), солируют **Юлия Корпачева** и **Елена Буланькова** — и невольно, впитав стиль европейского мышления, в масштабном симфоническом замысле ищешь адекватного наполнения.

Его, кажется, нет. Сатира не злобная, так... петербуржец подсмеивается над Москвой. Ностальгия воспоминаний о тех годах или просто любовь к своему личному прошлому тоже не выражена, поскольку нет своих «слов». Трагедию шаблонной отупляющей мысли автор, вроде бы, не ощущает.

Читая авторские пояснения, веришь в искренность «возжаждавшего эпоса» композитора. Веришь — благодаря извинению за высокопарность — его словам о «моей, прошу прощения, судьбе» и посвящению матери. А поверив в отсутствие подвоха, появляется решимость сказать и напрямую: личностного содержания на столь крупную вещь у замечательного композитора пока нет. Как пока нет вообще ни у кого.

Концерт, проводимый российским Национальным оркестром под управлением **Андрея Бореяко**, как всегда, соединял сразу все «самое». Помимо премьеры Десятникова, исполнялись «Вариан-

ции на тему рококо» Чайковского. В них солировал знаменитый виолончелист **Борис Пергаменщikov**, лауреат Конкурса имени Чайковского 1974 года и затем эмигрант, один из крупнейших наших виолончелистов, постоянно живущих на Западе. Приезжает он нечасто, накануне этого выступления он дал концерт для виолончели соло на фестивале памяти Даниила Шафрана. О его исполнении заигранной и одновременно не самой любимой музыки «Вариаций» можно сказать лишь одно: это был серьезный взгляд высокого профессионала. Пергаменщikov сумел с блеском и достоинством подать это сочинение как осмысленный небольшой шедевр, словно объективно оценивая его качества, отдавая должное и салонного характера виртуозности, и подлинной красоте. Ощущению красоты способствовали замечательный звук и певучесть инструмента в его руках.

Начался же концерт с адажио Малера «Blumine», исключительно им из Первой симфонии. Музыкантам удалось воспроизвести необходимую для Малера оркестровую гамму. Делаящую успешную европейскую карьеру дирижер, безусловно, владеет этим прихотливым стилем, однако в этот раз остался к музыке несколько безучастным.